

Двадцать второго числа оба юноши успешно выдержали повторные испытания. Этот результат открыл им дорогу к главному, завершающему этапу — дворцовому экзамену.

По обычаю, после оглашения списка новоиспеченных гунши следовало устроить торжественный прием для наставников. Впрочем, поскольку Цзя Чжу занял в списках не самое высокое место, в поместье Жунго пышных празднеств устраивать не стали — ограничились скромным обедом для близкой родни да экзаменатора Ли Шоучжуна.

Зато в усадьбе Линь пир пошел горой. Линь Хай, глубоко укоренившийся в чиновничьих кругах, обладал обширнейшими связями. На торжество он созвал не только главных экзаменаторов столичного испытания во главе с Се Юэ, но и всех наставников, принимавших у его сына провинциальный экзамен. Разумеется, среди приглашенных оказались и представители знатных домов, включая семейство Цзя.

Сююй знал, что именно Хоу Сяохуа, будучи одним из экзаменаторов, лично отобрал и рекомендовал его работу. Помня об их былой размолвке в поместье принца Бэйцзиня, юноша втайне радовался, что тот не стал поминать старые обиды. Однако стоило Хоу Сяохуа явиться на пир, как всякая неловкость вернулась с новой силой.

Когда Линь Хай велел сыну засвидетельствовать почтение учителям, Сююй подошел к столу. Рядом с Се Юэ сидел Хоу Сяохуа — всё такой же надменный, холодный, словно отгораживающийся от всего мира невидимой стеной. Внутренне зажавшись, Сююй нехотя поклонился и выдал сухое:

— Господин Хоу.

После чего поспешил отойти, не желая заводить пустых разговоров.

Минул март, и двадцать первого апреля настал день великого испытания.

Дворцовый экзамен должен был состояться в Зале Сохранения Гармонии. Для Цзя Чжу и Линь Сююя это было первым посещением императорского дворца, и накануне ночью оба от волнения едва сомкнули глаза.

Ранним утром чиновники Министерства ритуалов начали выкликать имена. Кандидатов разделили на четные и нечетные номера: первые заходили через правые боковые ворота, вторые — через левые. По воле случая Чжу и Сююй оказались в разных группах и разошлись в разные стороны.

Перед величественным Залом Сохранения Гармонии соискатели совершили торжественный обряд: трижды пали ниц и девять раз ударили челом. Стоя на коленях, они приняли свитки с

заданиями. Экзамен состоял из одного-единственного вопроса, касающегося важнейших государственных дел. Обычно темы выбирались из четырех областей: просвещение, управление, народное благосостояние или защита рубежей. В этом году государева воля обратилась к военному делу — требовалось изложить стратегию борьбы с пиратами-вокоу.

Повторно совершив великий поклон, ученые мужи заняли свои места.

Цзя Чжу прекрасно понимал: каллиграфия на дворцовом экзамене решает едва ли не всё. В отличие от предыдущих туров, здесь работы не переписывались писцами ради сохранения анонимности — император и его советники читали оригиналы. Именно поэтому Чжу долгие годы изнурял себя упражнениями, доводя до совершенства строгий придворный стиль «гуаньгэ». Его иероглифы должны были ложиться на бумагу безупречно ровно, округло и солидно, словно отлитые из металла.

Выведя первую черту, Чжу, как того требовали правила, заполнил краткие сведения о себе:

[Покорный слуга ваш, гунши Цзя Чжу, допущенный к дворцовому экзамену, четырнадцати лет, уроженец Шунтяньской управы. Выдержал провинциальный экзамен в год... под девизом Цзинчан, а также столичный экзамен в год... Почтительно предстаю пред светлые очи Вашего Величества. Сведения о предках моих в трех поколениях прилагаю ниже:]

[Прадед: Цзя Юань, покойный Жунго-гун]

[Дед: Цзя Дайшань, покойный Жунго-гун]

[Отец: Цзя Чжэн, помощник начальника департамента Министерства общественных работ]

Закончив с формальностями, Чжу погрузился в размышления над сутью вопроса.

Этот экзамен стал финальным этапом в его долгой и изнурительной борьбе за ученое звание. Если бы он желал лишь гарантированно получить звание цзиньши, то мог бы пойти проторенной дорожкой: написать гладкое, благообразное сочинение по всем канонам, обходя острые углы общими фразами. Но тема касалась защиты рубежей и военного дела — вопросов, которыми он тайно увлекался с самого детства.

Чжу не хотел быть как все. Он жаждал заявить о себе, предложить нечто дерзкое и действенное. Собрав воедино все свои познания в военной истории и стратегии, он решил изложить зревшие в его голове мысли без утайки. Так на бумагу легли очертания его «Восьми мер умиротворения морей», куда вошли разделы: «Любовь к простому люду», «Почтение к мужам учения», «Стремление к истинной пользе», «Искоренение пустословия», «Обучение ратников», «Бережливость в казне», «Наведение внутреннего порядка» и «Господство на водных путях».

Набросав план, Чжу на мгновение оторвался от кисти и взглянул наискосок вперед, где сидел Сююй. Тот уже вовсю строчил, не поднимая головы.

Чжу невольно усмехнулся.

«Интересно, как выкрутится наш великий талант? Вечно щеголяет книжной мудростью да изысканным слогом. Рассуждать о битвах — это тебе не стихи на пирах слагать. Посмотрим, во что превратится его краснобайство на десяти тысячах иероглифов»

Солнце медленно клонилось к закату, отмечая исход экзаменационного дня. По сигналу глашатая кандидаты отложили кисти и сдали свои труды.

Все свитки передали восьми главным чтецам. Рассаживаясь за отдельными столами, вельможи поочередно изучали каждую работу и выставляли оценки. В итоге они отобрали десять лучших сочинений, которые удостоились чести предстать перед взором самого императора Цзинчана. Именно государю предстояло лично назвать имена «трех столпов» — победителей, занявших места чжуаньюаня, баньяня и таньхуа.

В те годы император Цзинчан еще крепко держал в руках бразды правления и не помышлял об отречении в пользу наследника. Желая испытать проницательность и государственный ум своих сыновей, он призвал их в тронный зал. Перед очами государя предстали взрослые царевичи: наследный принц Ту Лун, третий принц Ту Цзэ, четвертый принц Ту Фэн и пятый принц Ту Линь (второй сын государя, как известно, скончался во цвете лет). Им было велено совместно изучить избранные свитки и рассудить, кто достоин войти в победную тройку.

Сочинения Цзя Чжу и Линь Сююя по праву вошли в заветную десятку.

Царевичи читали внимательно, но держали мысли при себе. Все они понимали, что эта проверка — не более чем скрытый экзамен для самого наследного принца Ту Луна. Остальные три брата не спешили раскрывать карты и лишь обменивались вежливыми, ничего не значащими фразами, выжидая, какое решение примет старший брат.

За тишиной зала скрывалось глухое противостояние группировок. Третий принц Ту Цзэ давно примкнул к сторонникам наследника и ловил каждое его слово. Пятый принц Ту Линь, признанный самым одаренным среди братьев, снискал громкую славу на полях сражений; в свое время престол прошел мимо него лишь из-за малолетства, но теперь, занимая пост военного министра, он своим авторитетом заметно теснил старшего брата. Четвертый же принц Ту Фэн слыл в столице беспечным затворником и ценителем искусств; он возглавлял Академию Ханьлинь и подчеркнуто держался в стороне от придворных интриг.

Когда чтение завершилось, в зале повисло молчание. Поскольку все десять свитков уже прошли строгий отбор академиков Ханьлинь, написаны они были безупречно, и каждый имел

свои достоинства. Найти изъян казалось делом невозможным.

Лишь пятый принц Ту Линь, пробегаая глазами строки сочинения Цзя Чжу, оживился. Большинство претендентов, по его мнению, занимались лишь тем, что набивали бумагу витиеватыми фразами, славословя имперскому величию и всеобщему миру. Чжу же выгодно отличался делом. С точки зрения человека, не понаслышке знавшего устройство армии и пограничную службу, предложенные юношей «Восемь мер» выглядели на удивление зрелыми, точными и лишенными кабинетной наивности.

Пятый принц презирал начетчиков, не способных отличить боевой лук от пахотного плуга, и никак не ожидал встретить среди экзаменующихся столь живой и практичный ум. Тем более удивительно было узнать, что автору едва исполнилось четырнадцать лет.

«Этот малый далеко пойдет»

Ту Линь мысленно отметил для себя имя Цзя Чжу.

Пока пятый принц размышлял над планом борьбы с пиратами, братья уже приступили к спору о местах. Четвертый принц, тонкий ценитель словесности, высказался первым:

— Полагаю, стоит отдать звание чжуаньюаня Линь Сююя. В его сочинении ссылки на древних классиков даются с редкой непринужденностью, слог безупречен и точен, а фразы выстроены столь искусно, словно инкрустированы золотом и яшмой. Для столь юных лет это поразительный талант.

Однако наследный принц Ту Лун тут же покачал головой:

— Не соглашусь. Слог действительно недурен, но за изысканными оборотами скрывается пустота. Юноша излишне увлекается красотами, его текст перегружен пышными метафорами. Это манера кабинетного писца — звучит сладко, да толку мало. Годится разве что для хвалебных од.

Он отложил свиток Сююя и взял два других:

— На мой взгляд, работы вот этих двоих куда достойнее. Их авторы зрелы годами, рассуждения пространны и глубоки, а каллиграфия крепка, словно сталь. Всё выполнено строго по уставу.

Выслушав сыновей, император Цзинчан обратился к остальным царевичам. Третий принц поспешил поддержать мнение наследника, а четвертый не стал упорствовать. Наконец государь взглянул на пятого сына.

Ту Линь, чьи мысли всё еще были заняты смелыми предложениями Цзя Чжу, не желал ввязываться в бесполезный спор о каллиграфии.

— Пусть будет так, — равнодушно отозвался он. — Кандидатов, предложенных наследником, можно поставить на первое и второе места, а любимца четвертого брата — на третье. Остальных же отнести ко второму классу.

Император Цзинчан благосклонно кивнул, соглашаясь с общим решением. Возражений не возникло ни у кого. В зал немедленно призвали чиновников Министерства ритуалов для внесения имен в официальные списки.

Так завершилось это великое испытание, и судьба нового поколения ученых мужей была решена.

<http://bllate.org/book/18221/1760878>